

Лена Ди Песня

Глава 1

«Весенняя песня» неслась вперед. Вернее, спотыкалась, отставала, звучала вразнобой и упорно, уже в который раз за сегодняшнюю репетицию, норовила перейти на тон ниже. Хор юношей Квинс-колледжа бессовестно фальшивил. До конца занятия оставалось полчаса, за ним маячили выходные. Хористы вертелись, смотрели в окно и изнывали от скуки. Напрасно хормейстер останавливалась каждые два такта, чтобы начать снова, напрасно призывала их выпрямить спины и открыть диафрагмы. Предвкушение скорого освобождения от школьных уз было сильнее любого Баха, и остаток репетиции можно было считать потраченным впустую.

Бланш и сама это чувствовала. Несмотря на открытые окна, в аудитории было душно, послеобеденное солнце светило прямо в глаза. Внимание хора ей не принадлежало, теряясь вместо этого где-то в районе вторых теноров. Эти здоровые лбы выглядели сегодня на редкость оживленными. Их подозрительное веселье передавалось остальным и скатывалось по рядам каскадом

смешков, перешептываний и заговорческих взглядов.

— Нет, ребята, так дело не пойдет, — опустила руки Бланш. — Прошу вас, соберитесь! Скоро концерт!

Она отвернулась к роялю, чтобы сделать поток воды, и в этот момент через ее плечо перелетел какой-то серый комок. Комок шлепнулся о рояль, на долю секунды замер и тут же бросился бежать. Нечто серое оказалось крысенком. Видимо, удар его дезориентировал, потому что прежде чем прыгнуть вниз, он несколько раз пронесся по крышке рояля, потом свалился на клавиатуру и уже оттуда на стул и на пол. Со всех сторон на него обрушились крики, визг, хохот. Возбужденные подростки затопали ногами. В панике крысенок агрессивно выгнул спину, запищал и несколько раз подпрыгнул вверх. Каждое приземление было в нескольких метрах от предыдущего, улюлюкающие парни взвыли от восторга. Они повскакивали со своих мест, некоторые залезли с ногами на стулья. Обезумев, крысенок начал метаться по аудитории кругами. Он бросался под ноги, карабкался вверх по ступенькам, но чьи-то подошвы упорно толкали его обратно, так что он снова и снова оказывался в центре аудитории перед охрипшей от крика Бланш.

Конец сумасшествию положил неизвестно откуда прилетевший ботинок, с громким хлопком

припечатавший крысенка к полу. Тот дернулся, вытянул передние лапки, как будто хотел прыгнуть, замер и из его рта вылезли кишки. Они растеклись по полу маленькой кроваво-синей лужей, со стороны похожей на раздавленную сливу. В аудитории моментально стало тихо.

Бланш отшатнулась к роялю. В изумлении посмотрела на труп, потом подняла глаза на подопечных. Те стояли с открытыми ртами. Неожиданная развязка оборвала их веселье на полуноте, и теперь они растерянно смотрели то на Бланш, то на убитое животное.

— Я уберу, — нарушил тишину парень из первого ряда. Он стоял в одном ботинке, точно таком, каким был убит крысенок.

— Да, Харви, пожалуйста, — прошептала Бланш.

Заметив, что парень ищет куда бы переложить труп, она вырвала из клавира первую попавшуюся страницу и, протянув ему, отвернулась, чтобы не видеть, как он будет это делать. Мертвым, крысенок выглядел в два раза длиннее, его хвост и передние лапы не помещались на бумаге. Деловой вид, с которым Харви обул обратно свой ботинок, заставил Бланш передернуться. Она подождала, пока за ним закроется дверь, затем вынула из сумки мокрые салфетки и убрала с пола успевшую запечься кровь.

— Начнем со второй цифры, — могильным голосом скомандовала она, подняв руки. И в этот раз притихшие юноши не посмели ее послушаться.

С момента поступления Харви Шайна в Квинс-колледж прошел уже месяц. За это время он успел приглядеться к новой школе, но свое место в ней пока не нашел. Слишком солидной была она для него, слишком большая ответственность легла на его плечи: Харви надлежало стать первым представителем их семьи, окончившим полные двенадцать классов.

Эта честь свалилась на него неожиданно, когда девять месяцев назад неподалеку от их фермы у ректора колледжа спустило колесо и взмыленная миссис Симмонс, сорок минут протопавшая по неровной пустынной дороге, постучалась к ним с просьбой о помощи.

— Ну, спасатели к нам долго будут ехать, — пустила ее в дом мать Харви. — Пусть лучше старший сын поменяет. Он в этом деле толк знает.

Рухнувшая на предложенный стул миссис Симмонс согласилась. От долгой ходьбы ее мучала жажда. Она выпила залпом предложенную воду и попросила еще. При этом ее второй подбородок, удобно лежавший на груди, задрожал как застывшее желе и толстые щеки всколыхнулись с ним в такт. Это была женщина с пышным телом и

непропорционально маленькой головой. Короткие седые волосы, сейчас взъерошенные и торчащие во все стороны, придавали ее внешности комический вид, сарафан свободного покроя напоминал пыльную цирковую кулису.

Как выяснилось, миссис Симмонс возвращалась в Мельбурн из Айерс-Рок, где проходил лётную практику ее сын. Это был ее второй день в пути, до дома оставалось всего каких-то полторы тысячи километров. После того как она, по совету рекламного щита, съехала с основной трассы, чтобы насладиться красотами туристического маршрута, ее навигатор потерял сигнал. Не встретив ни одной машины, миссис Симмонс долго петляла по проселочным дорогам, потом заметила указатель с названием их фермы, свернула, но не доехав километров пять, проколола переднюю шину. Она оставила машину в тени эвкалипта около длинного забора, за которым паслась отара овец, и пошла искать помощь.

Описанный пейзаж был типичным для здешних мест и этого описания было совершенно недостаточно, чтобы понять, где именно поломалась машина.

— Пейте и сами покажете, — решила мать, бросая сыну ключи от своего джипа.

Харви взял из мастерской домкрат и сел за руль. Миссис Симмонс, кряхтя, опустилась рядом,

попыталась пристегнуться ремнем, но тот вылез только наполовину.

— А вы дерните посильнее, а то он заедает, — посоветовал водитель, сам не пристегиваясь.

Лихо стартовав, так что из-под колес вырвалось облако пыли, они выехали со двора. Несмотря на середину зимы, залетающий в открытые окна ветер был теплым, и стоящее в зените солнце заливало песчаную дорогу оранжевым светом. Казалось, она шла прямо за горизонт и, если ехать достаточно долго, можно было выехать за пределы Земли. Непрерывный деревянный забор, сбитый из двух широких горизонтальных досок, ощущение бесконечности только усиливал.

Поездка оказалась недолгой. Уже через десять минут миссис Симмонс, напряженно вглядывающаяся вдаль, издала радостный крик и указала на красную, припаркованную впереди машину. На просторах аутбека ее городская малометражка выглядела игрушечной, как пластиковая машинка без дна в детском магазине. Рядом, за забором, как и описывала горе-путешественница, паслось несколько овец. Они невозмутимо жевали траву и даже не подняли голов, чтобы посмотреть, кому пришло в голову остановиться рядом с их бескрайним пастбищем. За то время, которое понадобились миссис Симмонс,

чтобы вернуться с помощником, машину уже успела облюбовать сорока. Недовольно стрекотнув в ответ на попытку согнать ее с капота, она перелетела на крышу и теперь разглядывала незваных гостей с явной враждебностью.

— Хорошо, что я догадалась закрыть окна, — шутливо замахнулась на нее женщина, — а то в салоне могло уже и гнездо быть.

Она посмотрела на склонившегося над проколотой шиной Харви. Он выглядел озабоченным и очень юным. Над его верхней губой виднелся первый темный пушок. Веснушчатая кожа и вьющиеся русые волосы придавали внешности парня детскую мягкость.

— Сколько тебе лет? — усомнилась в его силах миссис Симмонс.

— Шестнадцать, — машинально ответил Харви. Дырявая шина занимала все его внимание и, прощупав ее с видом опытного механика, он заглянул под кузов. — Ага, вот и запаска.

Харви вернулся к джипу и принес инструменты. Начал ремонт, и, чтобы время шло веселей, запел себе под нос. Сначала тихо, потом громче. У него оказался на удивление красивый голос: поставленный от природы, тембрально насыщенный лирический тенор. Присевшая в тени машины миссис Симмонс прислушалась.

— Пой, пой, не останавливайся, — махнула

она, когда Харви на секунду замолк.

— Что? — переспросил он, сам не заметив за работой, что пел.

— Я говорю, спой еще что-нибудь.

— Так я уже вроде окончил. Только колпачки осталось надеть.

— Это неважно. Лучше повтори еще раз ту песню.

Харви помедлил. Оглянувшись, чтобы убедиться, что прозвучавшая просьба относится именно к нему, он покосился на миссис Симмонс:

— А зачем?

— Господи ты боже мой! Что ж вас всех просить надо! Пой, я сказала! — рассердилась та.

В этот раз голос у него дрожал. Харви казалось, он оказался на сцене, с той единственной разницей, что большинство зрителей были четвероноги и периодически блеяли.

— Громче, уверенней! — скомандовала миссис Симмонс. Она поднялась с земли и, подойдя к Харви, начала отмеривать такт прямо перед его лицом. — Ну-ка, подтянись! Дай мне услышать твой голос! Не стесняйся!

Ее энергия была заразительна, Харви запел на полную. Пухлый кулак миссис Симмонс занимал всего его внимание и, когда тот взметнулся вверх, Харви послушно последовал за ним.

— У-ух! — выдохнули оба одновременно,

когда отзвучала последняя нота.

— Молодец, можешь! — похвалила его миссис Симмонс. Она разглядывала Харви так, как будто узнала в нем родного сына. — Значит, шестнадцать. И, кажется, мутация уже завершилась. Очень, очень хорошо!

От суровости, смутившей Харви вначале, не осталось и следа. В прищуренном, с хитринкой взгляде миссис Симмонс играл деловой расчет. Она была довольна и возбуждена.

— Знаешь что, дружок. А давай-ка вернемся с тобой на ферму, — причмокнула она губами.

— Но вам же на шиномонтаж! А он в другой стороне.

— Шиномонтаж подождет. В первую очередь, я хочу поговорить с твоей мамой.

Они вернулись, и в этот раз миссис Симмонс сразу с порога протянула матери Харви свою визитку. Взглянув на нее верх тормашками, Харви увидел выдавленную корону и витиеватую надпись: «Квинс-колледж. С года 1865».

— Мне надо поговорить с вами по поводу вашего сына, — энергично тряхнула она руку матери Харви. — Дело в том, что я являюсь ректором Квинс-колледжа и хочу, чтобы вы привезли сына к нам на прослушивание.

С момента, когда она услышала пение Харви,

в миссис Симмонс произошла разительная перемена. Незадачливую путешественницу сменил решительный руководитель. Ее обрюзгшее, тяжелое на подъем тело теперь излучало энергию, в низком голосе звучали авторитарные нотки. Было заметно, что она привыкла командовать и не принимала возражений.

По ее словам, Квинс-колледж был привилегированным заведением для мальчиков. Учиться в нем считалось делом престижа, многие родители записывали туда своих сыновей сразу после рождения. Среди выпускников колледжа числились два премьер-министра, несколько парламентариев и бесчисленное число топ-менеджеров крупных компаний. Кроме стабильно высоких академических результатов, гордостью колледжа был хор юношей. Он был хорошо известен в музыкальных кругах, регулярно участвовал в конкурсах, выступал с концертами. Хору постоянно требовались хорошие голоса, тем более такие, как у Харви: чистый, высокий тенор.

— Поэтому я хочу, чтобы вы привезли Харви на прослушивание, — закончила свою презентацию миссис Симмонс.

Они сидели за столом в кухне, с миссис Симмонс во главе. Ее кисти опирались о столешницу, мясистые пальцы были сцеплены в замок. Улыбка доброжелательного бульдога

приглашала задавать вопросы.

— Я вас не понимаю, — подала голос мать Харви. — Школа-то в Мельбурне! У черта на рогах! Где он будет жить?

— В нашем общежитии. Там, где живут дети из регионов, сыновья экспатов. В наш колледж, между прочим, приезжают учиться и из-за рубежа.

— Сколько же такое удовольствие стоит?

— Дорого, но я думаю, вы можете себе это позволить, — миссис Симмон обвела кухню красноречивым взглядом. Она уже успела составить мнение и о матери Харви, и о размерах их хозяйства. Деньги в этой семье были, но натруженный кулак фермерши зажимал их крепко. Заставить ее потратиться могли либо гарантированная прибыль, либо тщеславие, свойственное всем состоятельным провинциалам.

— Послушайте, я не обещаю, что вашего сына примут в колледж с распростёртыми объятиями, — решила высказаться начистоту миссис Симмонс. — Мы — уважаемое заведение, многие семьи ждут годы, чтобы определить к нам своих детей, и платят за обучение баснословные суммы. Если я предлагаю вам привезти Харви на прослушивание, значит у него действительно есть талант. Его необходимо развивать, и наш колледж может в этом помочь. Это не значит, что его примут просто так, без вступительных экзаменов. Вашему сыну

придется пройти прослушивание, произвести впечатление на моих коллег: преподавателей музыки, дирижера, хормейстера. Нам понадобится оценить уровень его академических знаний. И только тогда мы сможем предложить ему место и скидку на обучение. А ее, уж поверьте моему слову, мы даем крайне редко.

Вкрадчивые интонации миссис Симмонс напоминали бесшумное скольжение змеи. Ее цепкий взгляд не отрывался от собеседника, спокойная, негромкая речь заставляла вслушиваться в каждое слово и паузы между ними.

— Я понимаю вашу растерянность, — по-дружески накрыла она ладонью руку мамы Харви. — Не каждый день узнаешь о талантах своих детей. Но вы все-таки подумайте, посчитайте, представьте, какие перспективы открываются перед Харви, и приезжайте на следующих каникулах на прослушивание.

Миссис Симмонс было важно уйти на высокой ноте, поэтому она поднялась со стула, не дожидаясь ответа.

— Ну что ж, Харви, еще раз спасибо за помощь. Очень рада была познакомиться, — с чувством пожала она ему руку.

— Вы можете гордиться своим сыном, — сказала на прощание его матери.

— Дорогу-то найдете?

— Думаю, что да, — с уверенностью ответила миссис Симмонс.

Она уже не сомневалась, что утреннее легкомыслие, заставившее ее отклониться от намеченного пути и потеряться неизвестно где, было не простой случайностью, но Провидением. Если так, то обратная дорога должна была быть гладкой, как шелк. Ведь то, ради чего она очутилась в этом богом забытом месте, уже было сделано.

Дед Харви Шайна всегда хотел сына. Во-первых, потому что этого хочется каждому мужчине. Во-вторых, чтобы было кому передать дело. Потому что, как не крути, а ферма — дело мужское. Ну какой женщине под силу ежедневно объехать несколько сот километров? Выгнать и загнать обратно в хлев 10-тысячную отару? Принимать роды, следить за качеством шерсти, стричь, отбирать на убой и потом еще общаться с оптовиками, этими тертыми калачами? Нет, как ни крути, тут нужен сын.

Именно так он и сказал своей жене, когда та забеременела:

— Ты это... давай... постарайся.

Жена сделала все, что могла, но родилась все равно девочка. Сбитая, как свежее масло, с толстыми ляжками и румяными щеками.

— Ох и краса! Ох и ляля! — сиял от гордости

отец, вертя дочурку под потолком. — Одно плохо: не сын.

Они с женой попробовали еще и еще раз, но все последующие беременности окончились выкидышами, и дочка Сандра так и осталась единственным ребенком в семье.

Характер у дочки был мужской, внешностью она тоже походила на отца. Крепкая, с ровной, как столб, фигурой, она везде таскалась за ним: и сгонятьстада со всего участка, и на ночную рыбалку. Отец баловал ее страшно, меры в любви не знал, так что в десять лет Сандра уже умела управлять трактором, а на шестнадцатилетие получила в подарок охотничье дробовое ружье.

— Что ж ты из девки мужика делаешь? — ворчала мать, уже без всякой надежды повлиять на мужа. — Кто ж ее такую в жены возьмет?

— Ничего ты не понимаешь, — отмахивался тот.

По его представлению, он делал из Сандры не мужика, а наследницу своего хозяйства, которое становилось все больше и прибыльнее. Именно поэтому он учил дочь всему, что умел сам, брал на переговоры с покупателями, показывал, как вести бизнес.

— Смотри, мотай на ус, пока я живой, — говорил он, — пригодится.

Усов у девочки не было, но отцовские

хитринку, трудолюбие и ответственное отношение к делу она переняла. С грехом пополам окончила обязательные девять классов и стала помогать отцу по хозяйству. С закупщиками торговалась нещадно, умудрялась нанять сезонных работников за смехотворно малые деньги, сама могла и тушку разделать и холодильную камеру починить.

— Моя школа, — хвастался отец соседям-фермерам, — Не девка — огонь!

Сам он был вынужден отойти от дел. У курильщика с пятидесятилетним стажем обнаружился рак легких. Его прооперировали, провели курс радиотерапии. Дышать самостоятельно он больше не мог, и поэтому везде таскал за собой повозку с кислородным баллоном. Каждые два шага высохший отец останавливался, чтобы проверить, не выпали ли из баллона трубочки, с некоторых пор обеспечивающие ему жизнь.

В свои двадцать Сандра выглядела зрелой, успевшей отцвести женщиной. Отмерьянная ей природой миловидность осталась в отрочестве, когда в низкой, коренастой фигуре еще можно было разглядеть соблазнительную девичью округлость. Тогда ее маленькие грудки стояли, как каменные, на крепких ногах выступали скульптурно-выпуклые икры. В плотном, пахнущем домашним молоком теле чувствовалась недюженная сила.

Но эта естественная красота оказалась недолговечной. Очень скоро на широкие плечи Сандры легла тяжесть, тело стало рыхлым, фигура потеряла и без того едва заметные изгибы. От молодости остались только открытое, веснушчатое лицо и густые русые волосы. Живи Сандра в другом месте, этого, может быть, и хватило бы для того, чтобы устроить семейную жизнь, но не в их глуши.

Проведя все детство рядом с отцом, она и сама вела себя, как мужчина. Говорила громко, с матерком, свою линию гнула, не стесняясь, в обществе старших вела себя на равных. Знакомые мужчины, большей частью деловые партнеры или владельцы соседних ферм, относились к ней с уважением, некоторые побаивались, но при этом женщины в ней не видели. Да и не могли видеть: все они были ровесниками ее родителей. Для своих же сыновей они искали других невест — менее предприимчивых и более покладистых. В деловом плане Сандра могла дать фору любому, так что они не успели бы оглянуться, как семейный бизнес уже перешел бы под ее начало.

К счастью, Сандра обладала не только физической зрелостью. Поняв, что шансов на замужество мало, она решила создать свою семью самостоятельно. И для этого начала каждый вторник ездить в ближайший городок. Перед этим

дома с сожалением снимала свои любимые, годами не снашиваемые джинсы и натягивала вместо них платье с открытыми плечами и вырезомсади. Платье было тесноватым, чтобы втиснуться в него приходилось задерживать дыхание. К нему полагались туфли на высоком, немного отошедшем назад каблуке, но их Сандра обувала, уже припарковавшись около единственного в округе паба. Там, поздоровавшись с барменом — бывшим одноклассником, она садилась у барной стойки и заказывала пиво.

Городок был типичным для центральной Австралии: один магазин, он же почта, за ним паб, полицейский участок и, наконец, заправка. Все заведения располагались одно за другим вдоль главной городской достопримечательности — трассы, которая и обеспечивала доход местным жителям. На автомобилистов работало все взрослое население. Зазывать их начинали, когда до города оставалось еще пятьдесят километров, обещая чистые туалеты, вкусный кофе и дешевую еду. Чтобы они, не дай бог, не проскочили мимо их микроскопического поселения, у самого въезда в городскую черту водителей встречал огромный, регулярно подкрашиваемый плакат, предлагающий остановиться на дозаправку и восстановить свои силы. Многие проезжали мимо, но некоторые, в основном дальнбойщики, останавливались. Целый

день они гнали, превышая все возможные ограничения скорости, и вечером хотели отдохнуть. Для этого они парковали свои автопоезда на отведенной для них парковке и шли в единственный паб. Там их и ждала Сандра. Она специально приезжала в будний день, когда местные сидели по домам. В мужчине Сандра искала стать. Худые сморчки ее не привлекали, пьяняющие от одной кружки пива тоже. Сидя в конце барной стойки лицом ко входу, она одним взглядом оценивала появляющегося на пороге мужчину, и, если он оказывался не в ее вкусе, больше не обращала на него внимания. К понравившемуся же подходила сама. Смело заговаривала, быстро находила общую тему. Заразительный смех и ямочки, появляющиеся при этом на ее щеках, установлению контакта только способствовали, и уже после нескольких кружек Сандра просила нового знакомого показать ей его автомобиль. Понятливые мужчины быстро расплачивались и уводили ее с собой.

Семейным статусом своих случайных знакомых Сандра не интересовалась: на транзитной станции все мужчины были холосты по умолчанию. Физическая близость, возможность отдать свою нежность здесь и сейчас была важнее потенциального замужества, а на долгие отношения она не рассчитывала. Семью ей могли дать только

собственные дети. Как и ее отец когда-то, она думала о наследниках, которые вместе с ней продолжат семейный бизнес. Вместе они создадут клан, станут монолитом, и тогда уже не надо будет бороться с одиночеством где-то на стороне. Руководствуясь именно этими мотивами, она решила родить ребенка без мужа. Перед родителями оправдываться не пришлось: отца к тому времени уже год как не стало; мама, уже в возрасте, но все-таки женщина, ее решение поддержала. Как она и предупреждала покойника-мужа, женихов для их «огня-девки» не нашлось.

Так появился Харви, названный в честь деда, а за ним, два года спустя, и Джейк. На ферме, впервые за несколько десятилетий, вновь зазвучали детские голоса. На этот раз мальчишеские и сразу несколько, как и хотел когда-то отец Сандры.

С детьми она почувствовала собственную значимость. Цветущее дерево ее жизни, с цепкими корнями и мощным стволом, наконец принесло плоды, тем самым выполнив свое главное предназначение. В сыновьях Сандра черпала энергию, ради них вела бизнес, в их будущее вкладывала прибыль. Нет, они не ходили в престижную школу и не занимались с репетиторами. Вместо этого на их счета регулярно откладывались деньги, чтобы в будущем они могли

купить собственные хозяйства. Тогда испытание наследством не коснется их нежной дружбы, братья не станут конкурентами. Пока же они росли мамиными помощниками. Как молодые бычки — крепкие, но еще не осознающие всей своей силы, — они гоняли овец, объедали фруктовые деревья, купались в мелкой грязной речке, тянущейся по их участку, и оставляли голову свободной от любых знаний, не имеющих практической ценности.

Единственная школа в округе находилась за восемьдесят километров. Общее количество учеников в ней не дотягивало до ста, педагогический состав насчитывал восемь человек. Несмотря на то, что школа предлагала полный двенадцатилетний курс обучения, подавляющее большинство детей уходило после девятого класса. Некоторые отправлялись в училище, остальные начинали трудовую карьеру. Харви предстояло влиться в семейный бизнес, чтобы на деле выучить все, что когда-либо пригодится ему в жизни. В свои шестнадцать лет он и так уже многое умел: разбирался в автомеханике, мог отремонтировать дом, знал, как заломать непокорного барана и помочь овце оягниться. Для того, чтобы работать в хозяйстве, этого было достаточно. Дальнейшая учеба представлялась пустой тратой времени.

И тут в одночасье все изменилось. У сына обнаружился талант, с которым надо было что-то

делать. Отмахнуться? Возможно, если бы разговор состоялся без свидетелей, Сандра так и поступила бы — списала бы известие на эксцентричность случайной гостя. Но Харви был тут, рядом, он все слышал, и смотрел на мать вопросительно-ожидаящим взглядом.

В ее сердце перекатывались валуны сомнений. Отпустить от себя старшего сына значило перечеркнуть собственные планы, лишиться помощника, променять определенное, близкое будущее на химеру. При этом еще и потратив целое состояние. А стоило ли?

В раздумьях Сандра крутила в руках оставленную визитку. Как назло, карточка была сделана из такой плотной бархатной бумаги, тисненая корона логотипа отливалась таким багряным золотом, что одного прикосновения было довольно чтобы понять: обучение в Квинс-колледже — это пропуск в другую жизнь, ту, о которой в их семье не смели даже мечтать.

— Черт подери! — сжимала кулаки Сандра, — Черт, черт, черт ее подери!

Надо было ехать.

И в сентябре, вместо того, чтобы следить за начавшейся сезонной линькой овец, она с сыновьями отправилась в Мельбурн.

К поездке готовились. Младшему, обалдевшему от предстоящего приключения,

купили новые джинсы, старшему подобрали костюм. Никогда в жизни не носивший пиджаки, Харви чувствовал себя так, словно его обвили лозой. Его передергивало, он пытался расправить плечи, но упрямая ткань растягиваться не хотела.

— Так и задохнуться можно, — бурчал он, с интересом разглядывая незнакомца в зеркале. От обычного Харви там осталось только лицо. Буйные волосы были сострижены под насадку, на ногах красовались блестящие, и на удивление дубовые, туфли.

— Красавец! — ахала довольная Сандра. В ее памяти всплывал смутный образ незнакомца, подарившего ей сына. Его фигура был в таком временном тумане, что ничего, кроме мужской красоты, вспомнить она не могла. Только рост и джинсовую рубашку, так выгодно подчеркивавшую когда-то его голубые глаза.

Добирались полтора дня. За это время взбудораженные братья нахохотались так, что у Харви запершило в горле. Сандра, всю жизнь отмахивающаяся от детских недомоганий поговоркой «здоровее будет», боялась лишний раз открыть окно.

На ночь они остановились в Милдуре. По сравнению с их городком, это был город-гигант, и братья выражали свой восторг непрекращающимися возгласами.

— Ты смотри какая тачка! — толкали они друг друга, — И та, и та тоже!

— Мама! Макдональдс! Умоляем! — стучали они по стеклу.

Сандра снисходительно давала себя уговорить. Ей тоже нечасто удавалось выбраться в город. Она рассматривала незнакомые улицы, заглядывала в витрины магазинов и удивлялась количеству прохожих. Их число было вполне сопоставимо с оставшимися дома овцами, и Сандре все время хотелось сосчитать поголовье.

— Ну и идиоты! Ты только глянь, — нервно посмеивалась она, объезжая беспечных велосипедистов, выющихся вдоль дороги.

Чем меньше расстояния оставалось до мегаполиса, тем больше ей становилось не по себе. На автобане со всех сторон ее поджимали другие автомобили; привычные равнинные пейзажи, только изредка перебиваемые сухим перелеском, сменились монолитными заводскими заборами и кучными жилыми массивами. Неизвестно откуда появились светофоры. Приходилось останавливаться на каждом перекрестке, пропускать стада пешеходов. В машине стояло напряженное молчание. Младший был подавлен навалившейся мощью большого города, Харви, который был теперь за штурмана, хмуро вчитывался в дорожную карту.

— На следующем перекрестке направо! Нет. Подожди. Кажется, на этом. Да, точно, разворачивайся!

Сандра, уже не сдерживаясь в выражениях, заходила на второй круг. Зачемона только затеяла эту дурацкую поездку?

Час блужданий по городу показался длиннее, чем вся предыдущая дорога, и, когда они наконец припарковались недалеко от въезда в Квинс-колледж, решили сразу не идти туда — хотелось отдышаться. Раскрасневшаяся семья вылезла из машины. Огляделась. Вдоль всей левой стороны улицы тянулся забор. Выложенный из желтого кирпича, он был высокий и цельный, так что казалось, что за ним скрывается не школа, а настоящая крепость.

— Ничего себе! — перевела дух Сандра.

Они прошли вперед и остановились около ворот. За ними, в конце аллеи, виднелось старинное здание внушительных размеров. Его фасад был выложен из желто-коричневого камня, над центральным входом висели массивные золотые часы. Для колебаний не оставалось времени, и Сандра решительно потянула калитку на себя. Размах заведения превзошел все ее ожидания. В таком великолепии могли учиться только дети богов, уже одно приглашение приехать на прослушивание можно было считать за честь.

— Мне надо видеть ректора, миссис Руфь Симмонс, — немного громче, чем рассчитывала, обратилась Сандра к секретарю на ресепшен.

— Вам назначена встреча?

— Нет, но мы приглашены.

— Ваше имя?

— Харви Шайн.

Белоблузая секретарша набрала по телефону приемную ректора. Назвала имя, получила ответ.

— Извините, но миссис Симмонс сегодня не принимает, — отказала она, повесив трубку. — Если хотите встретиться с миссис Симмонс, запишитесь на прием.

— На когда?

— Ближайшее свободное время — следующий четверг в 9.15 утра.

Это была опытная секретарша! От ее вежливости веяло едва уловимой неприязнью. Ровный голос не выражал никаких эмоций, озадаченность клиентов не трогала. Оказание посильной помощи не входило в круг ее обязанностей. Секретарь не предлагала решений, она ждала указаний.

Несмотря на то, что витающий в воздухе академизм смущал Сандру, она поняла, что надо проявить твердость. Сзади стояли ее сыновья. О том, чтобы спасовать в их присутствии не могло быть и речи.

— Скажите миссис Симмонс, что ее ожидает Харви Шайн, поющий мальчик с фермы, — снова попросила она, в этот раз отчеканив каждое слово. В хозяйстве ей не раз приходилось усмирять брыкающихся овец. В этот раз овца была офисной, но методы усмирения оставались неизменными: хладнокровие и уверенность в себе.

Секретарь не посмела ослушаться. Вместо этого снова подняла трубку и передала данную ей инструкцию.

— Да-да, поющий мальчик с фермы, — повторила она и, ища поддержки, глянула на Сандру.

Та одобрительно кивнула. Указала сыновьям на свободные сиденья, сама опустилась рядом.

В этот раз переговоры с приемной ректора длились несколько дольше, но по их завершению посетителей сразу пригласили пройти. Они оказались в темной с квадратными креслами приемной, куда навстречу им вышла миссис Симмонс.

Это была все та же немолодая тучная женщина, только сейчас на ее лице лежал толстый слой крем-пудры, а немаленькие размеры тела идеально гармонировали с солидностью обстановки.

— Рада, рада снова вас видеть, — протянула она руку в приветствии. Ее ладонь обожгла сухим

теплом, твердое рукопожатие успокоило и взбодрило одновременно. — Только надо было предупредить заранее. Наш хормейстер как раз в отпуске.

— И что? — испугалась Сандра, не совсем поняв, кто именно в отпуске.

— Мне бы хотелось, чтобы она присутствовала на прослушивании, — объяснила миссис Симмонс.

Пригласив садиться и усевшись сама, она отдала должное вопросам вежливости, после чего задумчиво посмотрела на Харви. В ее маленьких, спрятанных за толстыми линзами очков глазах вспыхнул огонек.

— Узнайте, не ушел ли еще учитель по фортепиано. И руководителя драмстудии тоже пригласите, — дала она указание ассистенту и улыбнулась Харви. — Постарайся спеть, как тогда?

Тот неопределенно промычал в ответ. До недавнего времени он не придавал своему таланту никакого значения. Пение было для него так же естественно как, например, ходьба или сон. Попроси его кто постараться и спеть лучше, чем всегда, он не знал бы, как это сделать. С таким же успехом можно было попросить получше шагать или засыпать.

Так было и сейчас. Он волновался, но страха

перед аудиторией не испытывал, разве что легкое смущение, вызванное самим местом выступления. Небольшой актовый зал, куда привела их миссис Симмонс, состоял из возвышения-сцены и семи рядов откидных кресел, напоминающих кинотеатр. Помимо нескольких педагогов, сидящих прямо напротив, на Харви со всех стен смотрели портреты длинноволосых старцев. Он понятия не имел, кто это, но петь любимые песни в их присутствии было неудобно. Если что-то и заставляло Харви нервничать, то только их суровые взгляды.

Как и рассчитывала миссис Симмонс, его голос произвел впечатление. При первых же звуках руководитель драмкружка обменялась одобрительным взглядом с завучем; пианистка захотела прощупать диапазон. Для этого она села за рояль и попросила Харви повторить за ней распевку. Харви легко дошел до «си» первой октавы, после чего учительница посмотрела на него влюбленным взглядом.

— Ну что ж, давайте обсудим условия, — подвела черту под прослушиванием миссис Симмонс. Все время, пока Харви пел, на ее лице сохранялось непроницаемое выражение, сменившееся откровенно суровым, как только выступление окончилось. Товар был стоящим, но приобрести его надо было незадорого, и миссис Симмонс настраивала себя на битву, как

профессиональный боксер перед ответственным матчем.

В свой кабинет она провела только Сандру, оставив мальчиков развлекаться в приемной. Пригласила присаживаться к столику у окна, разлила по чашкам свежезаваренный чай. Потом уселась поглубже в кресло и замолчала.

— По-моему, прослушивание прошло успешно, — первой заговорила о деле Сандра.

— Вполне, — согласилась с ней миссис Симмонс. Маленькими глотками она пила чай, слегка поддувая его перед каждым глотком. — Только слишком поздно, к сожалению.

— Как поздно?

— Да вот так. Поздно вы к нам приехали.

— Весной, как вы и приглашали.

— Верно, приглашала. Но вступительные экзамены уже окончились, десятый класс полностью укомплектован. Как видите, наш колледж находится в центре города, территория небольшая, существуют количественные ограничения.

— Что же нам теперь делать?

— Сложно сказать, — вздохнула ректор, поставив чашку на столик. На ее круглом лице лежала тень раздумья, как будто она искала возможный выход и не находила. — Кстати, характеристика из школы у вас с собой?

— Какая характеристика? Нет. Вы же нам ничего не говорили!

— Видите, и характеристики нет. Ну ничего, ничего. Это дело поправимое.

В голове миссис Симмонс щелкали цифры. При всем желании, принять Харви бесплатно она не могла. Во-первых, потому что это бы создало опасный прецедент, во-вторых, потому что родительский комитет этого бы не одобрил. Обучение в их колледже стоило немалых денег, получить даже десятипроцентную скидку считалось большой удачей. Исходя из этого, предложение, которое ей предстояло озвучить, должно было показаться солнечным утром после ночной грозы, и следовало нагнать немного дождевых туч.

— Со школой Харви мы можем и сами связаться. Надеюсь, оценки у него хорошие? — с сомнением посмотрела она на собеседницу.

— Оценки хорошие, — осторожно ответила та. — По спорту его очень хвалят, по труду, музыка опять же.

— Да и это не главное. Основная сложность в том, что следующий педагогический совет соберется только через две недели. А я бы хотела, чтобы члены совета тоже послушали Харви, дабы принять решение коллегиально. Вы сможете задержаться в городе?

— На все две недели? — чуть не

поперхнулась чаем Сандра. — Конечно, нет! Нам и сейчас нельзя было уезжать. Того и гляди, шерсть перепреет.

— Ах, ну да, ну да, хозяйство. Каждый день на счету, — согласилась с ней удрученная миссис Симмонс. По всему выходило, что шансов на поступление нет, поездка была предпринята впустую. — Очень, очень жаль.

Она замолчала. Покачала головой, посмотрела в окно. Там цвели абрикосы. Вокруг их соцветий вились пчелы, покрытые розовым цветом ветки слегка подрагивали от их густого жужжания. «А обещанный дождь так и не пошел. Надо было вешать белье на улице», — подумала миссис Симмонс.

— Ну что ж делать. Придется брать ответственность на себя, — произнесла она вслух. — В конце концов, кто-то должен. От имени Квинс-колледжа я могу предложить Харви место в нашем десятом классе.

— Со скидкой?

— Конечно, — тяжелым голосом подтвердила ректор. — Десять процентов в год.

Она озвучила минимальную скидку с таким торжественным видом, как будто предлагала учиться у них бесплатно. После такого благодарная мать должна была расплакаться от счастья и броситься жать руку. Но вместо этого на лице

собеседницы появилось разочарование.

— Пятьдесят. И давайте говорить серьезно. Вам нужен мой сын так же, как и мне. Для меня он помощник в бизнесе. Для вас — ценное приобретение. Не будем тратить время зря.

Миссис Симмонс делано засмеялась:

— Ах, если бы я только могла себе такое позволить! Но единственный источник дохода для школы — это платное обучение. Благодаря ему у нас есть прекрасный стадион, теннисные корты, концертный зал и новейшая электроника. Благодаря ему мы можем позволить нанимать лучших педагогов и организовывать регулярные экскурсии. Поэтому мое лучшее предложение — это пятнадцать процентов.

Свою тираду миссис Симмонс произнесла располагающим, доверительным тоном, как будто уговаривала нерадивого ученика. Но на сегодняшнего оппонента ее аргументы не подействовали, Сандра осталась верна себе:

— Вы правы. Совершенно правы: деньги с неба не падают, приходится их зарабатывать. Но только мы не напрашивались в ваш чудесный колледж, вы сами пригласили нас. Сказали: «Приезжайте! Ждем! Талант!». Зачем же сейчас мелочиться? Нехорошо.

Миссис Симмонс почувствовала, что краснеет. В последний раз подобным образом ее

отчитывали лет сорок назад.

— Боюсь, вы истолковали мое тогдашнее предложение превратно. Тогда позвольте объяснить: обычная академическая скидка — пять процентов. В редких случаях, когда ученик обладает неординарными музыкальными способностями, школа может согласиться на десять. В случае с вашим сыном я предлагаю пятнадцать, а это ни много ни мало три тысячи в год. Предлагаю без разрешения попечительского совета, беря всю ответственность на себя. За семнадцать лет моего пребывания на должности ректора подобное происходит впервые.

— Тридцать, — не услышала ее Сандра.

— Двадцать, — протрубила дрогнувшим голосом миссис Симмонс. Это был ее крайний рубеж, за которым она готова была потерять Харви, но не уступить ни цента.

— По рукам, — поняла ее Сандра.

Вспотевшие женщины скрепили договор рукопожатием, после чего разом выпили уже успевший остыть чай.

Глава 2

К перемене в своей жизни Харви отнесся отстраненно. Не потому, что не хотел продолжать учебу, а потому что принимал в событиях лишь

пассивное участие — подумаешь, спел! Об условиях договаривалась мама, она же покупала форму, компьютер, учебники и за три дня до начала учебного года снова отвезла его в город устраивать в школьном общежитии. На удивление, там уже было полно народу. Как Харви узнал позже, жить в общежитии на каникулах считалось особым шиком, и старшеклассники старались вернуться в школу как можно раньше. Из обслуживающего персонала в это время были только охранник и экономка. Столовая не работала, но в общей мини-кухне стояли микроволновки.

Двухэтажное общежитие оказалось таким же солидным, как и основное здание, с которым его соединял длинный арочный проход. Снаружи общежитие выглядело старым и негостеприимным, и Харви невольно передернулся, представив, как холодно будет в нем жить. Но внутри все оказалось не так уж плохо. Большие гостиные с телевизорами и диванами, комнаты для занятий, спальни, хоть и напоминали гостиницу, но выглядели достаточно уютно.

Всего в общежитии жило сорок восемь мальчиков. Спальни учеников 7–9 классов располагались на первом этаже, старшеклассники обитали на втором. Комната, в которую поселили Харви, была прямоугольной, с узким окном по центру и двумя кроватями, расположенными у

противоположных стен. В ногах каждой кровати располагался стол, над столом висели три полки, по обе стороны от входной двери стояли платяные шкафы.

Левая сторона комнаты была уже обжита, и Харви занял кровать справа. Он был разочарован. Дома он делил свою комнату с младшим братом и, фантазируя, каким окажется общежитие, втайне надеялся, что ему достанется отдельная комната. Целая комната, и только для него. Но неизвестный сосед обманул его ожидания, и Харви не оставалось ничего другого, как смириться.

Они с матерью разложили вещи. Ее покрасневшее лицо говорило о крайнем удовлетворении.

— Давай-ка, сядь на кровать, — скомандовала она. — Щелкну тебя разок.

— Мам, ну зачем?

— Давай, давай, не ломайся. Соседям покажу, знакомым. Пусть видят, за что такие деньги заплатили, — нетерпеливо подгоняла его Сандра.

Это был железный аргумент. Сумма, которую пришлось выложить за обучение в колледже, теперь упоминалась при любом удобном случае и каждый раз с разными интонациями. В разговоре с владельцами соседних хозяйств она называлась как бы невзначай и сопровождалась эффектной паузой; дома ее озвучивали несколько раз на дню,

используя в качестве и упрёка, и материнской ласки, и самодовольной шутки.

— Деньги старайся не тратить, — в который повторила Сандра, сфотографировав своего красавца в нескольких ракурсах. — Все учебники, экскурсии оплачены. Еда включена. Не знаю, смогу ли забрать тебя на пасхальные каникулы. Сам знаешь, как заняты будем, уже и так много наездили. Так что постарайся, чтобы хватило до июля.

— Понял, мам, понял, — покорно отвечал Харви. От мысли, что скоро придется прощаться, ему было не по себе. Он старался не расстраиваться, но собственный подбородок его не слушался, то и дело начиная дрожать.

— Ну вот, кажется, и все, — повесила мать в шкаф последнюю вещь. — Разложились.

Она подошла к Харви и обняла его. Он был выше ее, шире в плечах, крепче, мускулистее. Общими у них были только выгоревшие на солнце густые русые волосы и светло-голубые глаза, сейчас казавшиеся синими из-за готовых хлынуть слез.

— Давай обнимемся здесь, — попросил Харви, решив, что, если уж плакать, то лучше там, где никто не увидит. — Я люблю тебя, мама.

— И я тебя люблю, мой мальчик, — прижала его к себе Сандра. — Будь молодцом.

Уткнувшийся в мамино плечо, Харви только кивнул. С ее отъездом у него начиналась новая жизнь, неизвестная и пугающая, и будь его воля, он бы предпочел от нее отказаться.

Привыкнуть к новой школе удалось не сразу — такой серьезной и чужой она была. Казалось, он очутился в незнакомом лесу. Вместо деревьев лес был густо засажен классами, звонками, мраморными лестницами и паркетными полами. Бесконечные коридоры оканчивались тупиками, в стенах зияли похожие на лесные провалы углубления. Во всех аудиториях стояли двойные двери. Узкие и высокие, они напоминали строгих старцев, раздражающихся скрипучей бранью каждый раз, когда какой-то бестолковый ученик тянул их медные ручки.

Несмотря на то, что на улице стояла жара, внутри школы было холодно. Многослойный кирпич служил надежным изолятором, высокие сводчатые потолки уводили все тепло за собой. Харви все время бил озноб. Он смотрел на других ребят — таких потных, румяных, довольных, — и не мог понять, почему они не мерзнут так же, как он.

Контакта с одноклассниками пока не получалось. То, что его приняли в школу благодаря особым музыкальным способностям, стало

известно в первый же день, и уже одного этого подросткам хватило, чтобы отнести Харви к категории безобидных, но затюканных музыкой ботаников. Таких в его классе было двое: Алан Бор, или «Квадратные Штаны», как все называли этого толстощекого пианиста, и Джастин Ли — тихий, перекошенный скрипач, не достающий Харви даже до плеча.

Оба мальчика тоже были приезжими, причем Джастин оказался соседом Харви по комнате. В Квинс-колледже он учился уже третий год, его родители жили в Джакарте. Больше всего на свете он любил свою скрипку и готов был заниматься на ней круглосуточно. Прижавшись подбородком к ее бедру, он извлекал из нее певучие звуки, сам становясь при этом озабоченным и серьезным. Во всем остальном он выглядел форменным дурачком: смешливым, забывчивым и не по возрасту нежным.

В компании этих детей Харви чувствовал себя переростком. Над их наивностью было легко подшучивать, упорство, с которым они убивали несколько часов в день на занятия музыкой, вызывало недоумение. Новые же друзья, в свою очередь, смотрели на него с благоговением и старались держаться поближе и на переменах, и в столовой.

Сама учеба застала Харви врасплох, как будто его без предупреждения бросили в кипяток. На всех

предметах давали домашнее задание, стопка книг, выданная в библиотеке и занявшая весь стол, повергала в ужас. В его прежней школе, куда съезжались фермерские дети со всей округи, к академическим успехам учеников относились снисходительно. Дальше девятого класса учиться все равно никто не собирался, а для того, чтобы влиться в сельское хозяйство, достаточно было и базовых знаний. Урокам труда, где ученики собирали мебель, учились паять и класть кирпичную кладку, уделялось больше внимания, чем, скажем, математике; животноводство считалось важнее географии. С таким перекосом в приоритетах дети перетекали из класса в класс с головами, не замутненными знанием, так что даже к концу школы некоторые не знали таблицы умножения. Харви был одним из них. Он был лучшим по труду, играл в сборных школы по регби, футболу и крикету, но по академическим предметам был, мягко говоря, не очень. И если в прежней школе на его успеваемость смотрели сквозь пальцы, то в новой поблажек давать не собирались. Уже к концу первого месяца у него набралось с десятков долгов, от информатики до мандарина. Из всех иностранных языков Харви выбрал именно его, в тайне рассчитывая на помощь Джастина. Но тот оказался индонезийцем, не понимающим по-китайски ни слова, и теперь Харви

оставалось только с недоумением смотреть на эти столбцы неровно уложенных дров. Иероглифы — олицетворение шаткости его положения в новой школе — тоже держались на честном слове, грозя в любой момент рухнуть и погрести его под собой.

Больше всего неприятностей Харви доставляла история. Вернее, не сам предмет, а его преподаватель, мистер Марк Грей. Это была нелюбовь со второго взгляда, хотя, по правде говоря, первого и не было. Вместо него на первом занятии года случился тест, призванный выяснить объем выветрившихся за летние каникулы знаний у старых учеников и определить уровень подготовки новых. Полтора часа Харви рассматривал бумажку под разными углами, пытался заглянуть в работы соседей, перечитывал вопросы, но так и не смог ответить ни на один из пятидесяти. Проставив наобум какие-то даты, он дождался конца пары и тихонько положил свою работу в общую стопку.

На следующем занятии мистер Грей зачитывал результаты. Зачитывал с расстановкой, сопровождая оглашение каждой фамилии по-актерски широким жестом.

- Алан Бор — восемьдесят процентов!
- Джозеф Маккарти — семьдесят семь!
- Джеймс Грин — шестьдесят!

Тот, чья фамилия называлась, должен был выйти к кафедре, чтобы забрать свою работу. Если

результат был удовлетворительный, Марк Грей ждал молча. Если студент набрал мало, то время, которое требовалось, чтобы дойти до кафедры, заполнялось едкими замечаниями учителя:

— Не спешите, мистер Маршалл, мы подождем! Вы не первый из Маршаллов, которому понадобилось время, что сделать что-то толковое. Ваш тезка Альфред Маршалл писал свой учебник по экономике девять лет! Джордж Маршалл, о роли которого во Второй мировой войне вам предстоит узнать в этом семестре, получил Нобелевскую премию мира, когда ему было уже за семьдесят. Так куда же вам торопиться?!

После подобных эскапад студент добирался до кафедры пунцово-красный, и мистер Грей демонстративно, с легким поклоном вручал ему злосчастный листок.

Плохих результатов было больше, чем хороших, и с каждым новым оглашением замечания мистера Грея становились все язвительнее. Ученики возвращались к своим местам, пряча глаза. Те, кому только предстояло опозориться, сидели как на иголках. Наконец, был озвучен последний результат, в стопке не осталось ни одного листка.

— Простите, вы пропустили меня, — нерешительно поднял руку Харви. — Моя фамилия Шайн, Харви Шайн.

Его реплика произвела неожиданный эффект.

Мистер Грей, уже начавший что-то писать на доске, замер, потом сделал резкий полуоборот и, выхватив, как показалось, откуда-то из рукава, лист бумаги, выставил его перед собой.

— Действительно! Как же я мог забыть! Я же так хотел с вами познакомиться! — с издевательской улыбочкой произнес он. — Ну, идите, идите сюда!

Харви поднялся. В этот момент ему принадлежало внимание всего класса. Двадцать пар любопытных, злорадствующих, сочувствующих глаз буравили его лучше, чем дрель бетонную стену, так что до доски Харви добрался уже весь в дырках. Его ждали. С утрированным интересом осмотрели со всех сторон, цокнули языком, развели руками.

— Впервые вижу живого неандертальца! Странно: надбровные дуги, как у *homo sapiens*, шея длинная, подбородок присутствует, руки нормальной длины! А интеллект на уровне пещерных людей, — со злостью резюмировал историк.

Он был на голову ниже Харви и сейчас, подойдя вплотную, заглядывал в его неомраченные знаниями глаза с таким оживлением, как будто хотел через них влезть Харви в голову и посмотреть, что же происходит там внутри.

— Позвольте угадать ваши мысли. Вы же и

вправду считаете, что изучение истории — пустая трата времени? Для вас важно только настоящее. Вы думаете, что жизнь началась и окончится вами, что прошлое не имеет значения, а значит, не стоит тратить на него свое драгоценное время. Вынужден разочаровать: история в каждом из нас. Мы вышли из нее, мы результат прошлого, мы творцы будущего. Не потеряй английская корона американские колонии, не ищи она новые места ссылки для своих каторжников, не причаль Джеймс Кук 19 апреля 1770 года к восточным берегам Австралии — не жить бы вам сейчас на своей ферме и не разводить там коров!

— Овец, — пробормотал Харви.

— Ноль! — страшно зыркнув глазами, бросил ему в лицо результаты теста историк. — Стыдитесь!

Харви подхватил взлетевший лист. Он мог уложить этого позера одной левой, но вместо этого постыдно вжал голову в плечи и вернулся на свое место.

С тех пор историк не давал ему спуска. Любимчиков у него не было, но существовала система, по которой ученики вызывались в алфавитном порядке. Единожды отстрелявшись, последующие две недели ученики сидели ниже травы, с садистским удовольствием слушая, как историк допрашивает у доски их несчастного

товарища. На Харви это правило не распространялось. Его вызывали на каждом занятии. Он злился, пытался что-то вспомнить, надеялся, что этот раз уже точно станет последним, но напрасно — на следующем уроке историк снова называл его фамилию.

К сожалению, общение с мистером Греем одним предметом не ограничивалось. Помимо истории он вел еще и социологию. Занятия проходили в той же аудитории и в том же составе, но Харви, справедливо решив, что предмет все-таки другой, попробовал пересесть. В этот раз в последний ряд, прямо за корпулентную спину Алана Бора. В глубине души он надеялся, что на новом месте его присутствие в классе будет не так заметно, и мистер Грей хоть на социологии оставит его в покое. Надежды оказались напрасными. Маневр был замечен сразу и дал историку возможность еще раз опозорить его.

— Прошу вас вернуться на свое прежнее место, мистер Шайн, — пальцем указал на опустевший стул историк. — Сумма ваших знаний от перемены места вряд ли изменится, а мне, с другой стороны, будет удобно лицезреть ваш незамутненный знаниями облик вблизи. Так, если у меня вдруг и возникнет соблазн увлечься и забыть, что представляют из себя мои слушатели, я смогу сразу взять себя в руки.

Внешне Марк Грей был так же неприятен, как и характером. Он был сух, мелок, с большими ушами и редкими волосами, уложенными в пастуший чубчик. Несмотря на спортивное телосложение, мистер Грей смотрелся заморышем, как тот теленок, которого родили, но забыли облизать. Его невыразительное лицо было совершенно невозможно запомнить и, если что-то и оставалось в памяти, то только мешки под глазами. Из-за тонкой бледной кожи они казались синюшными, как будто плещущая в них жидкость готова была вот-вот прорваться сквозь непрочные заграждения и выплеснуться наружу.

Разжевывать учебный материал мистер Грей не любил. Вся информацию давал конспективно, рассчитывая, что слушатели сами найдут причинно-следственные связи. Для заинтересованных проводил консультации, поголовно всех нагружал проектами. Разборы работ проводил вслух, потешаясь над содранными из учебников фрагментами текста и беспомощно сформулированными выводами. При этом Харви, который из всей компьютерной грамоты владел только функциями копирования и вставки, чувствовал себя премерзко.

Скрытый конфликт проявился случайно, на матче по регби между старшеклассниками и мужским педагогическим составом. Этот матч

традиционно устраивался в конце первой четверти. Во время игры между учителями и учениками стирались различия: в борьбе без поддавок побеждал сильнейший. Последние два года таковыми становились старшеклассники. Молодая неумная мощь брала верх над опытом и возрастом. Педагоги — большей частью хорошо за сорок — старались, пыхтели, но победить не могли.

В этот раз противостояние тоже развернулось нешуточное. Первый тайм окончился в пользу учеников. Во втором педагоги смогли сравнять счет. Обе команды отчаянно боролись за ускользающую победу. Нарушения следовали одно за другим. Раздраженные, вспотевшие игроки цеплялись за мяч. Ссадины, ушибы, грубые толчки оставались без внимания. Судейский свисток звучал в самые горячие моменты, и команды снова были вынуждены возвращаться в центр поля.

С каждой атакой противостояние становилось все агрессивнее. Ученики дрались за очередную победу, учителя пытались уйти от поражения. От шутивого настроения начала игры не осталось и следа. Взмокшие и уставшие, противники стояли друг против друга плотными рядами, так что с трибун казалось, что могучие природные силы сталкивают между собой горные монолиты. Молодая порода продавливалась через старую, обветшалые камни не выдерживали натиска и

рассыпались, оставляя за собой пыль, грязь, заплывшие от пота глаза и опухшие лица.

Харви был столбом в первом ряду. Со свистком, он, поддерживаемый товарищами сзади, упирался головой в плечи соперника и начинал пробиваться вглубь его территории. Крепкому, физически развитому Харви не составляло труда побороть сопротивление. Его фланг вырывался вперед, оборона противника распадалась на отдельные пары.

В последней схватке, когда до конца матча оставались считанные минуты, он оказался напротив историка. Адреналин, за последние два часа достигший максимума, громко стучал в голове молотками, сердечная мышца пульсировала на последний бросок. Долго подавляемая неприязнь к оппоненту только раззадоривала, и Харви приготовился к прорыву. Нагнулся вперед, сфокусировался на историке. Тот был собран, силен, и, судя по виду, тоже разозлен. Он смотрел на Харви с холодным бешенством, всем своим видом предупреждая: «Не пущу!».

— Убью! — промелькнуло в голове покачивающегося Харви. — И будь что будет!

По сигналу судьи они вцепились друг в друга. Сила задних рядов толкнула Харви вперед, он почувствовал, как вращается головой в плечи историка. Тот был мелкокостным, но жилистым.